

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

Марина СЕРОВА

*Малая доза
стервозности*

ЭКСМО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Старые амазонки

«Научная книга»

Серова М. С.

Старые амазонки / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

© Серова М. С.
© Научная книга

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марина Серова

Старые амазонки

Глава 1

Ну почему все хорошее так быстро кончается? Я провела чудесную неделю на турбазе, на Волге, и вот теперь возвращаюсь в действительность. С одной стороны, мне, конечно, очень хотелось окунуться в водоворот событий, почувствовать опасность, повышение адреналина в крови, но с другой стороны... Волга, солнце, песок! Как же это здорово! Но ничто не вечно под луной. С этими мыслями я и подъехала к своему дому. И сразу тревога, которая возникла неизвестно откуда, заглушила все остальное. У дверей стояло все пожилое население дома и дружно всхлипывало и причитало. Припарковав машину и поставив ее на сигнализацию, я направилась к подъезду. Увидев соседку, живущую на моей площадке, я подошла к ней:

– Здравствуйте, Тамара Федоровна. Что у нас тут случилось? Откуда этот всемирный потоп?

Близстоящий дедушка, вероятно, не подозревавший о роде моей деятельности, возмущенно прошамкал:

– Не острите, милая леди. Ваш юмор здесь неуместен. Человек погиб. А в общем-то, – он махнул безнадежно рукой в мою сторону, – разве в этой стране кого-нибудь интересует жизнь, особенно пожилого человека?! Слава богу, стало на одного меньше, – он окончательно расстроился и отвернулся, считая разговор со мной, с молодым поколением, совершенно бессмысленным.

А я опять обратилась к Тамаре Федоровне:

– Скажите же мне, кто погиб? Что произошло?

Она с грустью посмотрела на меня и, утирая слезы платком, отвела меня чуть в сторонку.

– Ой, Танечка, как хорошо, что вы приехали.

Тамара Федоровна опять начала плакать.

– Так вы мне все-таки скажете, в чем дело?

– Да Мария Николаевна погибла.

– Погибла? Это как? – меня очень заинтересовало, почему не умерла, не убита, а именно погибла. Я хотела опять пристать с расспросами, но из подъезда вышли люди в милицейской форме и в штатском.

За этой суматохой я и не заметила «уазик» и рядом с ним две «пятерки». К своей великой радости, я увидела Мишку, своего старого друга, работающего в правоохранительных органах, и бросилась к нему.

– Мишка, привет, – зашептала я, оттаскивая его в сторону. Он был в штатском, и это ему очень шло – лучше, по крайней мере, чем в форме.

– О, Танюха, как нельзя кстати. Очень непонятный случай.

– Расскажи, что здесь происходит. Я только что приехала с турбазы и ничего не понимаю. Он стал искать глазами место, где мы могли бы поговорить.

– Пошли ко мне. Тебе можно?

– Теперь можно.

Он перекинулся несколькими словами с каким-то полковником, и мы стали подниматься. Между вторым и третьим этажами мы остановились.

– Это произошло здесь? – поинтересовалась я.

– Да. Ты знаешь, сколько я видел смертей, но никак не могу к ним привыкнуть. Как все нелепо.

Я согласно кивнула.

– Ты знала погибшую?

– Да, немного. В каком месте она лежала?

– Вот здесь, – он указал место около батареи. – Никаких следов насилия, только шишка от падения. Руки около горла, на лице застыла смесь ужаса и удивления.

– Интересно, что же ее так удивило перед смертью?

Мишка подтолкнул меня сзади.

– Пойдем, я расскажу детали, если тебе интересно. А может, и ты мне что-нибудь поведаешь занимательного. Дело-то на меня повесили, хотя дела в общем-то еще и нет.

Ох, я даже соскучилась по моему жилищу. Открыв в комнате окно, рванула на кухню. По дороге я купила котлеты по-киевски и теперь хотела их побыстрее приготовить.

– Миша, сначала еда, все дела потом, иначе я просто умру, а если я умру, то и дел никаких не будет.

– Твоей логике можно позавидовать, – усмехнулся из комнаты Мишка.

Накрыв на стол, я позвала Мишу завтракать.

Мы ели в полной тишине и только за кофе начали обсуждать детали.

– Произошло все, вероятно, рано утром. Точнее установит экспертиза. По-моему, бабушке просто стало плохо с сердцем. Возраст, сама понимаешь, не подростковый. Вызвала нас соседка: она пошла за молоком – и вот, обнаружила. Получилось это случайно: соседка большая любительница ходить пешком.

– А она вас как вызвала? То есть почему именно вас, а не «Скорую»? Как она сказала?

– Сказала: произошло убийство.

– А почему именно убийство? Как это она определила?

– Тань, не делай проблему там, где ее нет. Постоянно принимаются в дежурке такие сообщения. И на каждое надо выехать. Один раз бабушка просто заснула крепко, а дедуля – может, конечно, он очень хотел этого – вызвал как на убийство. Они же сутками смотрят сериалы, там – жизнь, события, проблемы неразрешимые. А здесь что? Кошка в мусоропроводе застряла – главное событие месяца, а то и года. Здесь если нет убийства, его придумают.

– У нее действительно стало плохо с сердцем?

– Это я смогу сказать только после вскрытия. Наверное, дело все-таки будет, раз шеф сказал мне, чтобы я этим занялся. Да и соседку он повез в отделение. Скорее всего заяву писать, не чаем же он ее поить будет.

С этим трудно было не согласиться: чаем в отделении просто так не поят.

– Да и общественность восстала. Видела, сколько их собралось! Да у них там целый митинг! Ой, Танька, устал я что-то. Возмешь меня к себе в помощники? Буду заместителем частного детектива. Нет, не звучит. Ну да ты умненькая девочка, придумаешь мне должность.

– Я подумаю. А Марью Николаевну мне очень жаль. Хорошая была старушка. И такая смерть – в подъезде. Глупо как-то.

– Ладно, Тань, спасибо за вкуснейший завтрак, но мне пора идти. Как будут результаты экспертизы, я тебе позвоню.

– Я буду тебе очень признательна. Но, Миша, почему она держалась не за сердце, а за горло?

– Вот я и говорю: странное дело. Я тоже обратил на это внимание, но что-нибудь вразумительное сказать трудно. Да, еще один момент. У бабушки есть внучка, которая очень часто ее навещала. Может быть, она нам что-нибудь расскажет, когда мы ее найдем. Я думаю, в поиске не будет проблем, если, конечно, она ее и не того...

За Мишкой захлопнулась дверь, и я почти физически ощутила на себе груз проблем. И как только я ни пыталась воспоминаниями вернуть себе то состояние покоя, в котором я пребывала последнюю неделю, у меня ничего не получилось. Я вздохнула и сделала еще одну

попытку освободиться от всего этого: меня никто не нанимал, я свободный человек и вправе забыть об этом случае. Но в этот момент в дверь позвонили. Я сразу подумала, что делегация бабушек пришла меня нанимать. Но, открыв дверь, я с удивлением обнаружила очень милую и даже красивую девушку лет двадцати, может быть, чуть побольше. Ее большие глаза были опущены густыми ресницами, на которых блестели слезинки. Сегодняшним утром все плачут, я уже привыкла.

– Прошу, проходите, – я отошла в сторону, пропуская гостью.

– Меня зовут Наташа, Наташа Никифорова.

Ага, теперь ясно. Это, вероятно, и есть та самая внучка, которую Мишка собирался искать. Не там он ее ищет. И как бы в подтверждение моих мыслей Наташа добавила:

– Я – внучка Марьи Николаевны. Тамара Федоровна меня к вам послала. Вы частный детектив? Вы сможете мне помочь?

– Да, я Татьяна Иванова. Я действительно занимаюсь тем, о чем вы говорите. А вот в чем я должна вам помочь, давайте обсудим.

– Я хочу, чтобы вы нашли убийцу баб Маши.

– А почему вы думаете, что она убита? Сколько ей лет было?

– Я была у нее вечером, она чувствовала себя великолепно. А возраст – ей было около семидесяти. Другие и больше живут.

– Она что, чем-то была больна?

– В ее возрасте уже не бывает здоровых, наверное. А так сердце у нее было нормальное, она не жаловалась. Единственное, что ее беспокоило, – астма. Вот только не знаю, в какой она там была стадии, но началась уже давно.

– То есть она была не врожденная?

– Нет.

– Теперь понятно, почему она держалась за горло. Вероятней всего, у нее начался приступ. От этого она и умерла.

– У миллионов людей астма, они научились с ней справляться, хотя бы на время.

– В общем-то логично. Не могу с тобой не согласиться. По-моему, тебе было бы лучше дожидаться результатов вскрытия. А вдруг здесь ничего криминального нет? И ты напрасно потратишь деньги. Ты вообще знаешь, сколько я беру за расследование?

– Да, мне Тамара Федоровна сказала, что вы много берете. (Ого, вот это осведомленность!)

– Но это особый случай, и я могу сделать исключение. Все-таки Марья Николаевна была моей соседкой, и я к ней хорошо относилась... Конечно, бесплатно я не буду работать, но... Все же лучше дожидаться результатов экспертизы.

– Не могу я ждать, поймите! За это время может многое измениться... Потом будет гораздо труднее установить правду! Вы, пожалуйста, займитесь, а если будет твердо установлено, что это не убийство, я все равно оплачу ваши услуги...

– Хорошо, хорошо, – перебила я ее. – Об оплате мы поговорим после окончания дела.

– Да, конечно. Так вы мне поможете?

– Я попробую. Но сразу предупреждаю: скорее всего Марья Николаевна умерла от приступа астмы.

– Ничего, ничего, лишь бы знать, что произошло на самом деле! Лишь бы знать правду!

– А теперь у меня есть несколько вопросов.

– Если смогу, я отвечу.

– Марья Николаевна жила одна в трехкомнатной квартире?

– Да. Когда папа женился, баба Маша была недовольна: жена была «не та», недостойна папы. И как мама ни старалась, она не смогла наладить отношения со свекровью. И они ушли с папой в мамину однокомнатную квартиру, где мы сейчас и живем. Мама все время говорила,

что, может, хоть я проживу по-человечески. Вот теперь, наверное, и проживу, – грустно закончила она.

– А квартира приватизирована?

– Нет, но года четыре назад баба Маша меня прописала. Сказала, что совесть заела.

– А у тебя есть брат или сестра?

– Нет, родители не решились больше иметь детей. Комната-то одна.

– Значит, в квартире были прописаны ты и бабушка? И все?

– Да, – она подняла на меня свои огромные синие глаза.

Так, или она действительно очень наивная, или хочет показаться таковой. Ладно, выясним потом.

– А ты живешь далеко отсюда?

– Нет, не очень.

Наташа назвала адрес. Я бы сказала, совсем близко.

– А почему ты не жила с бабушкой? Ведь ты часто к ней приходила?

– Приходила очень часто, но баба Маша была против того, чтобы я осталась у нее насовсем. Не то чтобы она говорила об этом прямо, но всегда тактично выпроваживала меня. Я не сопротивлялась, я и так была ей благодарна за квартиру.

Так, это уже что-то. А может быть, этой девочке с такими огромными глазами просто надоело быть благодарной?

– Прости, Наташа, а сколько тебе лет?

– Двадцать два, я учусь в экономическом. Еще один год остался.

– А друг у тебя есть? Ты собираешься создавать ячейку общества?

Судя по выражению лица, она не сразу поняла последний вопрос. Потом, улыбнувшись, ответила:

– У меня есть друг. И мы собираемся создавать ячейку общества. А вот теперь, – она вздохнула, – процесс, я думаю, ускорится.

– Почему?

– Вася не местный. Он живет в общежитии. И, сами понимаете, зачем нам жениться, если жить негде.

– А бабушка знала про Васю?

– Вообще-то, когда она уезжала, мы встречались в ее квартире. Она, конечно, об этом догадывалась, но ничего не говорила. Вздыхала только и ворчала, что времена настали: все с ног на голову перевернули. Все спрашивала, когда правнучков нянчить будет. Ну вот и понянчила, – Наташа опять начала всхлипывать.

– Наташ, а куда это твоя бабушка уезжала? Все-таки возраст немаленький.

– Я не знаю точно. Баба Маша почему-то не любила говорить об этом. У нее сестра какая-то, троюродная, что ли, ну, в общем, родственница была. По-моему, в Саранске. Но точно не скажу.

– Наташ, а могу ли я осмотреть теперь уже твою квартиру?

– Да, конечно, но если можно, чуть позже. Мне в институт надо сходить. У нас собрание сегодня.

– Во сколько ты придешь?

– Я зайду к вам часа через два-три. Ничего?

– Нормально, но только зайди, пожалуйста.

– Хорошо. Я пойду?

– Да-да, конечно, я не прощаюсь.

После ее ухода я сварила кофе и закурила. Подумать было о чем. Сидя на диване и вдыхая аромат волшебного напитка, я начала размышлять. Надо сказать, Наташа произвела на меня двойственное впечатление. С одной стороны, она вроде бы честно отвечала на мои вопросы,

но с другой... Вполне вероятно, что она просто пудрит мне мозги. А мотив, кстати, налицо: девушка выходит замуж, ей, естественно, нужна квартира. Подумаешь, одной бабушкой стало меньше. Кому от этого хуже, да и кто это заметит? В нашей стране хлопот хватает. А убивают и за меньшее.

Я вспомнила про свои гадальные кости и, вынув их из замшевого мешочка, бросила на стол.

8+21+25 – «Научитесь пропускать мимо ушей необоснованные обвинения» – советовали мне кости. Да я в общем-то никого еще и не обвиняю, мысленно оправдывалась я. Что же касается Наташи, время покажет...

Не знаю, почему, но меня очень заинтересовало, куда это бабуля ездит. Надо попросить Мишку узнать про эту родственницу, да и с Васей неплохо бы встретиться. Я посмотрела на часы – время утренних сериалов кончалось. Надо спуститься вниз и поговорить с общественностью. Это называется «с корабля – на бал».

* * *

Спустившись к подъезду, я уже не застала той толпы, что была здесь утром. На скамеечке сидели три бабушки и тот самый дедок, который решил, что с молодым поколением и связываться незачем. В центре восседала уже успевшая вернуться из отделения Тамара Федоровна. Они все что-то горячо обсуждали, вероятно, утреннее происшествие. Увидев меня, Тамара Федоровна чрезвычайно обрадовалась и буквально бросилась ко мне.

– Танечка, вы обязательно нам поможете. Я была в милиции. Ничего они там не расследуют.

– Почему? – я не смогла скрыть удивления.

– Таня, – укоризненно посмотрела на меня соседка. – Вы прессу читаете? Там только и пишут о плохой работе милиции. А сколько у них нераскрытых дел? Кто будет заниматься какой-то бабушкой?

– Что значит, кто будет заниматься? Это их работа.

– Значит, вы, Танечка, отказываетесь? – разочарованно протянула Тамара Федоровна, а старичок, фыркнув, отвернулся. Он явно не верил в молодежь.

– Ничего, – буквально проскрипел он. Я даже вздрогнула, насколько изменился у него голос, – рано или поздно все выяснится. Человека убили, а никому никакого дела нет. Конечно, ведь она была обычным, рядовым тружеником. Кого это интересует? Государству пенсию не надо платить. Да разве это государство? – он махнул рукой и отвернулся.

– Так, стоп. Слишком много эмоций сразу. Во-первых, я не понимаю, почему все так уверены, что это убийство, а во-вторых, милиция занимается любым делом. И в-третьих, я, конечно же, вам помогу, но что это, обычная смерть или действительно убийство, покажет только следствие. И я очень прошу вас об одном: не нужно самодеятельности, – повернулась я в сторону ретивого старичка. Я просто боялась, что старики, чего доброго, сами возьмутся за расследование.

Тот не удостоил меня даже взглядом. И не надо!

– Может, она его увидела, – начала креститься бабулька в красной кофточке.

– Кого – его? – не поняла я.

На меня все посмотрели, как на полную дуру.

– Да его, с рогами да с хвостом. Ой, не приведи господи, – и она опять начала яростно креститься. – Уж больно выражение лица у нее было странное.

Да, насчет лица, она, пожалуй, права, а вот насчет всего остального... зря я сюда спустилась. Но, подумав, я отвела Тамару Федоровну в сторону.

– Можно мне с вами одной поговорить?

– Да, конечно, – она даже засветилась от гордости.

Мы отошли к другому подъезду. Оставшиеся обиженно зашептались.

– Всего несколько вопросов. Вы хорошо знали Марью Николаевну?

– Хорошо. Часто с ней беседовали вот тут, прогуливались.

– А дома вы у нее бывали?

– Дома была, но один раз, заходила уже не помню зачем, по делу, в общем. Квартирка хорошая, большая. Я еще удивилась, что она одна живет. У нее же сын есть, но... там... проблемы, не сошлись характерами, это, по-моему, так теперь называется. Вы знаете, раньше-то несколькими семьями жили в одном доме. И все уживались, а сейчас... – она безнадежно махнула рукой.

– А она что, во всех трех комнатах и жила?

– Не знаю, я была только в двух, третья была закрыта, наверное, она там кладовку сделала.

И еще у нее было очень много журналов старых. Я как-то пошутила, что ума большого нам теперь не надо.

– А она?

– Промолчала, только смутилась почему-то немножко.

– А как она с другими ладилась?

– Великолепно. Никогда никаких размолвок не было. Ума не приложу, кто бы это мог сделать?

– Значит, врагов у нее не было?

– Да что вы, какие враги, – она интенсивно замахала руками.

– Вы знали ее внучку? Она, кажется, ходила к ней?

– О, чудесная девочка, добрая, чистое золото. Слова грубого не скажет, поможет всегда.

С пустыми руками никогда не приходила. Только Марья Николаевна всегда ругалась на нее за это. Что деньги тратит. Сама часто делала подарки ей.

– А откуда вы все это знаете?

– Я что, по-вашему, слепая? – обиделась Тамара Федоровна. Нет, на слепую она не была похожа. – Мы же общались, – добавила она, – это не то что вы, молодежь. Вам бы только подрыгаться.

Представив дрыгающихся бабулек и старичка, танцующего брейк, я чуть не засмеялась.

– А Наташиного друга вы видели?

– Видела, но он Наташеньке не пара. Деревенщина.

– Почему вы так думаете?

– Никогда не поздоровается. Буркнет что-то себе под нос и пошел. Бирюк какой-то. И что она в нем нашла? Вот вы знаете, Танечка, я в молодости...

Я не стала слушать про молодость моей соседки. Я размышляла, и что-то у меня ничего не сходилась. Бабушка уж больно какая-то идеальная, по словам соседок и самой Наташи. А послушать Тамару Федоровну – внучка еще лучше. Так не бывает. Все мы не ангелы, а простые люди со своими достоинствами и недостатками. Идеальных людей просто нет. А тут два исключения сразу. Хорошо хоть Вася не попадает в эту категорию. Но как же тогда это божественное создание могло выгнать сына с семьей в однокомнатную квартиру? Это все-таки собственный ребенок. Не проще ли самой туда уйти, оставив им трехкомнатную? Благо та квартира недалеко.

– А с кем особенно близко дружила Марья Николаевна? – я, наверное, совершенно не вовремя задала свой вопрос, прервав, вероятно, воспоминания на самом романтическом месте. Потому что Тамара Федоровна даже губы надула и зафыркала от обиды.

– Вы, Таня, совсем меня не слушаете!

– Я прошу прощения, но, по-моему, вы тоже хотите, чтобы дело скорее было раскрыто.

– Да-да, конечно. Это я тут расчувствовалась. Вдарилась в воспоминания. У нее были две очень близкие подруги. Они часто гуляли вместе: Светлана Васильевна Никитова – она живет в третьем подъезде – и Зоя Борисовна Хмельницкая. Вы должны ее знать, она из нашего подъезда. Раньше работала медсестрой, а теперь ее весь дом приглашает, если есть необходимость. Даже к собачкам зовут. Она хоть и в возрасте, но рука твердая, колет безупречно, сама испытала.

– Ну спасибо вам, Тамара Федоровна. Если вы понадобится, я могу к вам обратиться?

– Я всегда к вашим услугам, – расцвела та. Еще бы, это не кошка в трубе застряла, это целое преступление.

А может, Мишка прав и нет никакого убийства? Может быть, действительно все выдумали эти бабушки и дедушки, чтобы хоть на какое-то время избавиться от скуки и одиночества? А мы все просто идем у них на поводу? Ладно, подождем экспертизы и не будем делать поспешных выводов.

Глава 2

Поднявшись к себе, я решила озадачить Мишку обнаружившейся родственницей. К моему удивлению, он сразу снял трубку.

– Миша, привет еще раз. Узнал?

– Конечно. У тебя проблемы?

– Почему ты так решил?

– Они у тебя всегда есть. Особенно если ты мне звонишь.

– Слушай, ты не узнаешь одну вещь, если можешь, конечно.

– Постараюсь.

– У нашей погибшей обнаружилась вроде бы родственница в Саранске. Узнай, пожалуйста, так ли это?

– А откуда тебе это известно?

– Да в общем-то все просто. У меня была внучка нашей бабушки. Она-то мне об этом и рассказала.

– Н-да, и о чем еще тебе рассказала внучка? Может, о том, как она прикончила свою бабушку?

– Миша, что за черный юмор? И что за сарказм в голосе?

– Таня, в квартире-то были прописаны только бабушка и внучка.

В голосе слышалось такое торжество, что я чуть не засмеялась. Мишка явно гордился моим молчанием, а я просто не могла говорить. Наконец я выдавила:

– Это мне она тоже сказала.

– Да-а, – он явно был озадачен.

– Ну так как? Узнаешь?

– Ладно, выясню, позвоню.

Так, одно дело сделали. Теперь надо бы спросить у Наташи про этого самого Васю. Здесь моя ошибка – я даже фамилию не спросила. И вот мне остается только ждать. Терпеть не могу этого делать. Хорошо, будем думать и сопоставлять факты, которых, кстати, практически нет. Я так глубоко задумалась, что, когда раздался звонок в дверь, даже вздрогнула. Решив, что это уже пришла Наташа, я обрадовалась. Но, открыв замок, я увидела незнакомую женщину с заплаканным лицом. На ней было домашнее платье и тапочки.

«Значит, она живет в этом подъезде. Что-то я ее не помню, – сразу отметила я. – И почему сегодня все рыдают? Лучше бы я оставалась на Волге. Там как раз все смеялись».

Усадив гостью в кресло и накапав валерьянки в стакан с водой, я подождала, пока женщина выпьет воду. При этом я успела разглядеть свою гостью. Она была довольно молода и, я бы сказала, красива, если бы не заплаканные глаза. Кожа ухоженная, на ногтях – безупречный маникюр. Немного успокоившись, она заговорила:

– Простите меня, ради бога, за мое вторжение, но обстоятельства сложились так, что у меня просто не было выхода. Моя дочь рассказала про вас – и вот я тут.

– У вас, вероятно, какие-то проблемы? Я вас очень внимательно слушаю. Я думаю, что все не так страшно, как вы представляете.

Она всхлипнула еще раз:

– Нашу семью шантажируют. Это продолжается уже примерно месяц, чуть меньше. Сначала мы решили, что это чья-то глупая шутка, и не обращали на это внимания. А сейчас угрозы стали более конкретными, и уже никто не думает, что это шутка. Моя дочь боится ходить в школу. Я все время чего-то жду. Я больше так не могу, мои нервы не выдерживают.

– Так, стоп. Шантажируют всю семью или угрожают кому-то конкретно?

– Мы начали получать письма: если вы не заплатите определенную сумму денег, то ваша дочь будет изнасилована.

– У вас большая дочь?

– Она учится в десятом классе.

– Она – единственный ребенок?

– Да, она одна.

– Какую конкретно сумму требуют?

– Сумма не указывалась до последнего письма. Я поэтому и пришла. Если мы только квартиру продадим с мебелью, то сможем набрать нужную сумму. Они хотят десять тысяч долларов.

– Ого, размах хороший. А не могли бы вы показать мне эти письма?

Она как-то засуетилась и тут же, спохватившись, ответила:

– Я их не взяла. Если вам нетрудно, поднимитесь со мной. Мы на девятом живем.

Мне было нетрудно, и мы поднялись в квартиру. Ну, насчет продажи квартиры моя гостыя все-таки погорячилась. Достаток в этой семье был, и очень неплохой. Шикарная итальянская мебель. Великолепный евроремонт. Вероятно, здесь потрудился дизайнер. Никогда не думала, что в нашем доме может быть что-нибудь подобное. Тут я вспомнила, что мы не познакомились.

– Прошу прощения, я не знаю, как вас зовут.

– Да, я не представилась – Ольга Ивановна Скоморохова, можно просто Оля. А вас зовут Таня?

– Да, Татьяна Иванова.

– Ну вот, лучше поздно, чем никогда, – попыталась она пошутить, но вышло как-то вяло. – Вот они, – Оля протянула штук шесть конвертов.

Совершенно обычные конверты. Ага, штампа нет, значит, шли они не по почте, а просто были опущены в почтовый ящик. Адреса нет, написаны только номер квартиры и фамилия – на одном печатными буквами, а вот на остальных конвертах буквы вырезаны и наклеены. Но одна ошибка уже есть. Это хорошо! Сами письма были так же составлены из букв, вырезанных из газет или журналов. Для такого рода деятельности было совершенно обычным содержание: «Если вы хотите, чтобы ваш ребенок остался в порядке, приготовьте доллары, сумма будет указана позже». Остальные написаны в том же духе. Отличалось только последнее, которое и вызвало столько эмоций: «Если к пятнице вы не заплатите десять тысяч у. е. (видно, значка доллара не нашлось там, откуда это было вырезано), то ваша дочь будет изнасилована». В подтверждение этого прилагалось несколько полароидных фотографий: девочка идет в школу мимо какого-то сквера, затем мимо стройки, она же в школе, в классе. Преступник дает понять, что он в курсе всех ее передвижений. Он за ней следит.

Увидев фотографии, Ольга Ивановна опять заплакала.

– У нас нет столько денег. Где я их возьму? Муж, конечно, обеспечивает, но не до такой же степени...

– Не волнуйтесь, сегодня понедельник, до пятницы я что-нибудь придумаю. А почему вы не обратились в милицию?

– А вот именно поэтому и не обратилась: я думаю, что до пятницы милиция ничего не сумеет сделать. А о гонораре вы не беспокойтесь. Я отдам вам половину того, что требуют шантажисты, если вы все уладите. Вас это устраивает?

Меня это устраивало.

– А можно мне осмотреть комнату...

– Лины? Конечно, прошу сюда.

Комната девочки была просторной, и там было практически все: компьютер почти последней модели, телевизор, видеомэгафон и музыкальный центр. Я думаю, далеко не

каждый подросток может похвастаться таким набором видео – и оргтехники. Но надо отдать Лине должное: кроме современных достижений человека в области науки и техники, одна стена полностью отводилась книгам. Я подошла поближе. Там были Л.Толстой, Чехов, Пушкин, М.Рид, а также современные детективы Серовой, Марининой и многих других. Но, судя по слегка истрепанному виду, предпочтение отдавалось детективной литературе.

В комнате было очень аккуратно и чисто.

– Лина сама убирается?

– Вообще-то у нас есть домработница, но в свою комнату Лина никого не пускает. Это ее святая святых. Если бы она узнала, что мы сюда заходили, то была бы очень недовольна и ворчала бы весь вечер, а это очень раздражает. Я люблю тишину.

Тут в дверь пролезла сморщенная мордочка, издающая странные звуки. А потом показалось и все остальное. Это был французский бульдог, очень симпатичный при ближайшем рассмотрении. Ольга Ивановна сразу схватила его на руки.

– Ой, моя девочка проснулась. Мы хорошо поспали? – и на бедную собачку обрушился град поцелуев. Она не сопротивлялась, вероятно, привыкнув к таким ласкам. А Ольга Ивановна, оторвавшись от морды «девочки», продолжила:

– Вот посмотри, кто к нам пришел. Эта тетя – детектив. Поздоровайся с тетей. Скажи: меня зовут Жанна.

Но собачка, зевнув, отвернулась.

– Ты не хочешь поздороваться? Это нехорошо. Тетя пришла к нам помочь, а ты себя так ведешь. Сейчас же поздоровайся.

Жанна наконец посмотрела в мою сторону и, подумав, протянула лапу. Я была удивлена, не скрою. Умная псинка.

– Я уже думала завести питбуля или бультерьера после всех этих писем. Но вдруг ему не понравится Жанна? Они же, говорят, очень агрессивные собаки, возьмет и съест мою девочку.

– Ну это вы, конечно, преувеличиваете: смотря как вы его воспитаете. Но в вашем случае вам надо брать уже взрослую собаку, конкретно для охраны. В общем-то все возможно. А сейчас вы что-нибудь делаете для охраны?

– Да, или я, или муж. Мы обязательно ее встречаем и провожаем в школу. Но вы сами понимаете, на уроках-то мы не можем сидеть. А за ней и там следят. Да и девочка уже нервничает. Все-таки большая, чтобы с родителями в школу ходить. Ой, скорей бы это все кончилось.

– Я очень постараюсь выполнить ваше желание. (Особенно за пять тысяч у. е.) Я пока прощаюсь, но если у меня возникнут вопросы, в какое время лучше к вам обращаться?

– Я почти все время дома. Сейчас я взяла отпуск. Хорошо, что летом не дали. Вот уж не думала, что пригодится. И учиться-то недавно начали.

(Вот поэтому фотографии и прислали в последнем письме: сентябрь только наступил.)

– Я могу взять письма?

– Да, конечно, если они вам помогут.

* * *

К своей квартире я подошла вовремя. Из лифта выходила Наташа. Мы с ней чуть не столкнулись. Она, вероятно, думала о бабушке, а я полностью была погружена в свои мысли. Уж слишком много у Лины было детективов. Может быть, она просто начиталась литературы и сама придумала все эти письма? Первое было написано печатными буквами. Почему в других письмах буквы были наклеены? Боязнь, что узнают почерк?

– Здравствуйте, я освободилась, – первой меня увидела Наташа, – это что, письма поклонников? – кивнула она на конверты у меня в руке.

– Да, от поклонников. Вот только кому отдать предпочтение, я еще не решила.

– Никому не отдавайте, взамен все равно ничего не получите.

(Ого, они что, поссорились с Васей?)

– Я так и сделаю. Кофе будешь?

– Если можно, с молоком.

– Можно и с молоком. Сама я предпочитаю черный.

– А мне он кажется очень горьким.

– Наташа, – крикнула я из кухни, – а как фамилия твоего Васи?

Она почему-то немного замялась, но потом ответила:

– Сидоров.

Я поняла заминку и чуть не прыснула со смеху. Классическое сочетание: Вася Сидоров.

– Да ладно уж, смейтесь, – донеслось до меня из комнаты. – Я уже привыкла.

Я принесла поднос с двумя чашечками и поставила на столик.

– Наташ, а твоя бабушка часто уезжала?

– Да нет, всего раза два, и то в последнее время, где-то год назад первый раз.

– У нее что, родственница недавно объявилась?

– Не знаю. Она неохотно отвечала на такие вопросы. Сказала только, что раньше они вроде бы в ссоре были.

– А потом вспыхнули нежной дружбой. Что-то не сходится.

Наташа пожалала плечами.

– Она почему-то начинала сердиться сразу, как только я заводила разговор об этом. А однажды я попросила ее взять меня с собой. В Саранске, говорят, очень хороший музей есть. Там и блоха хранится, которую кузнец подковал. Так она меня чуть не выгнала. Крику было. Я и не думала, что баб Маша умеет так кричать. Может, у нее там жених был? И она стеснялась об этом говорить? Возраст все-таки. Правда, говорят, любви все возрасты покорны.

– Может быть и так. А с Васей вы говорили о квартире?

Она кивнула головой:

– Только что, например. Вы знаете, что бы там мама ни говорила, это их дела, но я любила баб Машу. Мне действительно сегодня очень плохо. А он, представляете, обрадовался. Я даже не поняла сначала его реакции.

– Он что-то сказал?

– Да, цитирую: «Вот здорово».

– Может, он хочет скорее жениться на тебе?

– Квартиру он скорее хочет. Надоело по общагам мотаться. А у нас здание в отвратительном состоянии. И в комнатах если по двое живут – это просто счастливики. Обычно по четверо. Люди-то все взрослые. А кто женится, там и остаются. Он умный мальчик, понимает.

Я даже рот раскрыла от таких речей.

– А зачем же ты с ним встречаешься? Да еще и замуж собираешься?

– А за кого еще? За Вовку, что ли, Стекольников?

– Я, конечно, не знаю, кто такой Вовка Стекольников, но, может быть, ты не будешь торопиться? А собственно говоря, почему бы и не за Вовку? Или он тоже в общаге живет? И ему нужна квартира?

– Нет, у него есть, правда, однокомнатная, но своя собственная. У меня вот теперь тоже есть.

– Так какие проблемы?

– Ну, я же была с Васей. А кому я теперь нужна? После этого?

– Наташа, ты – ископаемое. Тебя в музее надо за деньги показывать. Да твой Вася в своей общаге наверняка уже со всеми перетрахался!

– Ему можно, он же мужчина.

Я внимательней присмотрелась к ней: уж не разыгрывает ли она меня? Но по крайней мере внешне она была серьезна.

– Наташа, а кто забил тебе голову всей этой ерундой?

– Вася так говорит.

(А этот мальчик не так прост. Я бы сказала, очень не прост. Этого индивидуума обязательно надо посетить.)

– Наташа, мой тебе совет. Сходи к психологу, почитай литературу и заведи роман с Вовкой Стекольниковым. Могу тебя уверить: твои мысли уйдут без следа. А теперь не могла бы ты проводить меня в квартиру баб Маши?

– Конечно, ключи всегда у меня с собой.

– А больше ни у кого нет ключей?

– Нет.

– А где же третий комплект?

– Баб Маша сказала, что он потерялся уже очень давно.

– Ну так пошли?

– Пойдемте.

Квартира Марьи Николаевны находилась на четвертом этаже. И мы спустились без лифта. Квартира как квартира. Ничего особенного. Все очень скромно, но, я бы сказала, со вкусом. Причем мебель современная, это меня слегка удивило. Обычно бабульки держались более консервативных взглядов.

Наташа поливала на кухне цветы, и я пошла к ней. Кухня опять-таки была новая, не итальянская, конечно, и не польская, но все-таки.

– Наташа, а мебель эта давно стоит здесь?

– Мебель, вы знаете, года полтора назад баб Маша почти всю купила новую.

– Да? А откуда у нее такие средства?

– Она все с книжки сняла. Говорила, на гроб берегу, а сама живу, как в гробу. На том свете деньги не нужны. А умру, как-нибудь похоронят.

– В логике отказать ей трудно.

– Вообще в последнее время она как бы помолодела. У нее подружки были. Так они и в театр стали ходить, на концерты приезжих знаменитостей.

– На это она тоже с книжки снимала? Твоя бабушка была миллионершей?

– Нет, Светлана Васильевна работала в театре. Нет, не актрисой, – предугадала она мой вопрос, – я точно не знаю, кем. Но у нее там осталось много связей, да и, по-моему, не только там, так вот, им чаще всего доставали контрамарки.

– А кем до пенсии работала баб Маша?

– Она была водителем троллейбуса. И вы знаете, ей это очень нравилось. Она все о машине мечтала.

– В семьдесят лет?

– А что? Она, между прочим, очень неплохо выглядела. Поэтому я вам сразу и сказала, что ее убили. Не собиралась она умирать...

– К сожалению, Наташа, смерть никто не ждет, она сама приходит и выбирает, кого ей забрать. И чаще всего ее желания противоречат нашим.

– Это философия. А я была у нее вечером и ушла очень поздно. Она была совершенно здорова.

– Хорошо, я не буду с тобой спорить, к тому же это абсолютно бессмысленно. У нас нет никаких доказательств. Пока нет.

Я подошла к другой комнате.

– Эта считалась моей. Я здесь не ночевала, но бабушка всегда, когда на меня ругалась, говорила: «Иди к себе».

Тут все было обычно и менее комфортно. Точнее сказать, куплено по случаю. Как бы прочитав мои мысли, Наташа заметила:

- Мне здесь тоже не нравится. Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят.
- А эта комната закрыта?
- Да, на ключ.

Для достоверности мы по очереди подергали ручку. Странно, зачем закрывать дверь на замок в собственной квартире, к тому же если живешь один?

- А если мы ее того, откроем?

Наташа посмотрела на меня даже как-то обиженно.

- Ее еще не похоронили. А мы будем квартиру вскрывать. Ей бы это не понравилось.
- Хорошо, не будем. Ты, наверное, теперь переедешь сюда?
- Нет, не сейчас, может, позже.

(Вот и отлично. Комнату я вскрою сама. Бабушка меня простит. Она же хочет, чтобы нашли ее убийцу?)

– Спасибо тебе за информацию. Мне пора. Если у меня будет что-нибудь, я оставлю записку в двери. Или, может, мне лучше звонить тебе к родителям?

– Лучше к родителям. Боюсь, что сюда я пока ходить не буду. Уж очень здесь пусто и тоскливо.

– Ладно, как хочешь. Пока. Да, последний вопрос. Ты говорила про Светлану Васильевну. Это ее подруга?

- Да.
- А кто была другая подруга?
- Другую звали, вернее зовут, Зоя Борисовна.
- А она где работала?
- Медсестрой, только не знаю, в поликлинике или в больнице. Она и сейчас делает уколы.

Ее часто зовут. Баба Маша даже жаловалась мне по этому поводу. Возмущалась, как все любят на халяву.

- А почему на халяву?

– Она почти ничего не берет. По крайней мере, если приглашать из больницы, то выйдет гораздо дороже.

- Ну вот теперь совсем все. Прощаюсь окончательно.

Я вышла на площадку. Что-то уже проблескивало, но как это было еще далеко...

* * *

Я поднялась к себе, еще не решив, что делать дальше: съездить к Васе или заняться опросом местных пенсионеров. Но едва я открыла дверь, как в комнате зазвонил телефон. Это был Мишка.

- Тань, ты где ходишь?
- Я опрашиваю население.
- Тебя что, внучка наняла или ты бескорыстно помогаешь правоохранительным органам?
- Вариант номер один.
- Ясно. Ладно, ты, как всегда, права. Наша бабушка не такая уж и «одуванчик». Если только новый сорт не вывели, с колючками.
- Что-нибудь узнал?

– Так, самую малость. У Марьи Николаевны не было родственников ни в Саранске, ни в каком другом городе нашей необъятной родины. Все умерли в войну. Она была младшая в семье. Поэтому, может, и уцелела.

Насколько я привыкла ко всякого рода неожиданностям, но на минуту просто потеряла дар речи.

– А куда же она ездила? – глупее вопроса задать было нельзя – я сама это поняла и тут же задала новый: – А как насчет вскрытия?

– Пока ничего, но теперь будет побыстрее, я сам этим займусь.

– Чем, вскрытием?

– Очень смешно.

– Так когда же будут результаты?

– Я думаю, часа через два.

– Хорошо, я тебе позвоню. Или ты звякни, если что-нибудь узнаешь.

– Что тебе звякать, когда тебя никогда нет на месте.

– Я всегда на месте.

– Ладно, меня вызывают, звони. Пока.

– Пока.

Еще одна проблема прибавилась. Куда же это наша бабуля исчезала? А может, на самом деле к жениху? И нечего голову ломать. Проникнуть в ту третью комнату стало просто необходимо. Как бы это только сделать без лишнего шума? Без отмычек? Я позвонила Мишке, но его куда-то вызвали. Ладно, подождем. К тому же надо поесть, раз я дома, время-то к обеду давно подошло. Недолго думая, я быстренько сварганила яичницу с помидорами и все это уплела.

Пора пойти и познакомиться с Васей.

До общаги я доехала быстро. Вот уж где не хотела бы жить. Хотя в юности в этом что-то есть, романтика какая – то, что ли. Наташа мне вообще-то сказала номер комнаты, но найти было не так-то просто. Все уже давно требовало хорошего ремонта. С потолка сыпалась штукатурка. В стенах были чуть ли не сквозные дыры. На одних этажах жили девушки, на других – юноши. Обращение тут было свободное, студенты ходили по коридору практически раздетыми. Занятия начались недавно, и, видимо, еще не все приехали с каникул, так что народу было маловато. Я вспомнила свою студенческую молодость. Правда, я не жила в общежитии, если не считать первого курса, когда хотелось полностью почувствовать себя студенткой. Мы не ходили раздетыми по коридорам, но было гораздо веселее. И такого деления по половому признаку не было. По комнатам – да. И это, по-моему, гораздо лучше. По крайней мере, всегда находишься в форме.

Наконец я отыскала нужную дверь.

Постучавшись и не услышав никакого ответа, я осторожно приоткрыла ее и просунула свой нос в образовавшуюся щель. Комната имела еще более плачевный вид, чем коридор, хотя и была чисто убрана. В ней стояло четыре кровати, две тумбочки, стеллаж для книг, один шкаф и большой стол посередине. Все четверо обитателей этого жилища сгрудились как раз около него. Можно было подумать, что они уже начали заниматься (прилежные мальчишки), но оказалось, что они разгадывали кроссворд и смотрели журнал «Плейбой» одновременно. (Вот дураки, зачем покупать журнал, когда можно спуститься или подняться на один этаж. Все то же самое, что и в журнале, только бесплатно.) В данный момент они были очень озадачены вопросом: как называются пятна на солнце. Поэтому меня просто проигнорировали. Пришлось постучаться еще раз. Все головы в один миг повернулись в мою сторону.

– Могу я поговорить с Васей Сидоровым?

Трое из присутствующих, вздохнув так, как будто их выгоняют из института, вышли из комнаты, с завистью оборачиваясь на своего более удачливого друга. Но Вася (раз он остался, значит, это был он) не проявил никаких эмоций. Я бы сказала, что он был даже слегка напряжен. Вообще-то я могу понять Наташу. Передо мной сидел симпатичный, с фигурой манекенщика молодой человек. Правда, для семейной жизни, я думаю, нужна не только атлетическая

фигура. Похоже, он был любимчиком женщин, а особенно местного контингента, судя по тому, как безропотно, видно, привыкнув к посещениям прекрасного пола, ушли его коллеги.

– Вы Вася?

– Да.

– Меня зовут Таня.

Его губы слегка тронула улыбка. Надо отметить, она ему шла, и, похоже, сам он отлично это знал.

– Очень приятно познакомиться. Чем обязан такому неожиданному визиту?

Своими манерами он уж точно покори́л всех местных красавиц, да и не красавиц тоже.

Но мне было некогда.

– Я хотела бы поговорить с тобой о Наташе Никифоровой.

С его лица любезность сразу исчезла. Ничего, для меня и так сойдет.

– А вы кто – мать? – усмехнулся Вася.

– Нет, бабушка.

– Так вы опоздали, бабушка у нее уже умерла.

– А я другая бабушка.

– Вы очень хорошо сохранились, наверное, пользуетесь пастой «Маклинз».

– Очень остроумно. Но я пользуюсь другой зубной пастой.

– И какой же? Я тоже хочу так выглядеть в семьдесят лет. Ведь вам столько?

Мне надоела эта игра в слова, и я решила перейти к делу.

– А как вы относитесь к Наташе?

– А вы из милиции?

– А вы хотите, чтобы вам там задавали вопросы?

– Нет, но...

– Если вас интересует моя профессия, то я – частный детектив... Устраивает?

– Вполне, – он был явно изумлен.

– Вам известно, что бабушка Наташи умерла и этим случаем заинтересовалась милиция.

Если вы не хотите получить повестку в отделение, то вам лучше поговорить со мной. Но если вы думаете по-другому, то я, пожалуй, пойду.

– Нет, я буду говорить с вами.

– Можно на ты? Так ты не ответил, как ты относишься к Наташе?

– Нормально, она хорошая, с ней легко. Всему верит, и она меня любит.

– И это все?

Он удивленно посмотрел на меня.

– Все, а что еще?

– Вы собираетесь жениться?

– Не знаю. Сейчас вроде бы можно, у нее теперь квартира.

– А как же «с милым рай и в шалаше»?

– Вы что – издеваетесь? Вы бы стали тут жить с женой?

– Я бы не стала жить с женой нигде. Я буду жить с мужем.

– Опять вы, – он махнул рукой. – У вас что, других вопросов нет?

– Есть. А ты знал Наташину бабушку?

– Видел пару раз. Лично не знал. Наташа почему-то боялась меня с ней знакомить. Мы встречались на квартире, когда ее не было. Пару раз сидели «в засаде», ждали когда она выйдет. Наташка вообще немного странная.

– Почему?

– Больно много у нее всяких комплексов. И в постели как бревно.

– Значит, если ты вообще на ней женишься, то только из-за квартиры?

– А что в этом плохого? Я отдаю ей себя, она мне квартиру. Все честно.

– У тебя с математикой нелады. Она отдает больше, чем ты.

– Ну и что. Если она этого хочет, почему бы нет?

– А тебе не кажется, что это не совсем честно?

– А что честно? Я, между прочим, сам поступил в этот институт. У меня не было ни копейки денег. А вы не представляете, что такое поступать без денег. Вопросы задают все кому не лень. Каждая пятерка – это как очередной прорыв обороны. Я не виноват, что не родился в этом городе. Почему у них, – он махнул рукой, – все есть: квартиры, машины у родителей, да и не только у родителей. А я вырос в деревне. Ну не хочу я быть агрономом, и бухгалтером в сельсовете тоже не хочу быть, к тому же еще лет двадцать это место будет занято. Что, мне квартира с неба упадет? Или мне ее бог пошлет? А если мне ее просто предлагают, да еще и с женой... Почему я должен отказываться?

Я немного устала от монолога этого обиженного родиной «крестьянина».

– Никто ничего никому не должен.

– Вот и я про то самое. А бабку мне не жаль. Она пожила свое. Пусть даст другим пожить. Я так понимаю, свою семью она не очень-то жаловала. Так что особо страдать никто не будет.

– Так кто же ее мог убить? Ты не догадываешься?

– А мне откуда знать? Может, ее Наташка и того... Уж очень она радовалась, когда мы решили пожениться, да и родители ее торопили. Они, наверное, догадывались, что мы с ней встречаемся не в парке и не в кино ходим. А они у нее консерваторы.

– А ты знаком с ними?

– Да, один раз я приходил к ним, на смотрины.

– Ну и как?

– По-моему, они были не в восторге от меня. Они мечтают, как я понял, об интеллектуале в очках. У нее папочка такой же.

– И все-таки они согласились?

– А что им остается делать? Поохали и смирились. А потом зачем-то стали торопить. Помнится, ее мама еще сказала тихо, но я случайно услышал: «Уж скорей бы она сдохла. Хоть дети поживут». Я думаю, это она как раз о баб Маше и говорила.

– Вы в последнее время не ругались с Наташей?

– Как ни странно, но после смерти бабки Наташа отдалилась как-то. Я не проявил должного сочувствия. Это она так сказала – обиделась. А ее разве поймешь? Сама часто говорила, что вот скоро баба Маша умрет и у нас будет все хорошо.

– Это она так говорила? – я была несколько удивлена.

– Ну да, правда, каждый раз прибавляла: «Дай бог ей здоровья». А тут ходит, чуть не рыдает. Женщины – сплошные загадки. Это-то в них и привлекает. Никогда не знаешь, что выкинет в следующий раз. Как по лезвию ножа ходишь: то ли порежешься, то ли проскочишь.

– А ты любишь играть с опасностью?

– Да, кровь разогревается, силы прибавляются. Да какая тут опасность?

– А наркотики ты пробовал?

– А у вас случайно записывающего устройства нет?

– Нет, не волнуйся.

– Пробовал в юности. Не понравилось. Становишься дурной какой-то. Я один раз в таком состоянии с теленком соседским целовался взапрос. Домой пришел как свинья грязный. Где был, черт его знает. Потом мужики рассказали. Заприкалывали. Больше не пробовал.

– Спасибо тебе за беседу. Я могу с тобой еще поговорить, если будет необходимость?

– Да, конечно. Только, может, вы все-таки скажете Наташке, чтобы она не дурила, – и нагнувшись совсем близко, видно, в такой позе он считал себя совершенно неотразимым: – Квартира очень нужна, да и с Наташкой я уже давно кручу. Что – все зря, что ли?

– А что – все?

– Ну, все, – он загадочно улыбнулся.

Ну что ж, поиграем. Мне стало даже интересно. Если я правильно поняла, у меня хороший противник. Выходя, я задела ключи на тумбочке, и Вася тут же бросился подбирать связку, при этом ненавязчиво положил свою руку на мою и, заглянув в глаза, с чувством сказал:

– До свидания.

– Пока, – со мной эти номера, милый мальчик, не пройдут. Они хороши только для Наташ.

Выходя из общаги, я заметила во дворе всех троих Васиных соседей по комнате, которые при моем появлении сразу пошли внутрь. Представляю, какими пикантными подробностями обставит Вася наше свидание.

Я села в машину и поехала домой. Очень неоднозначное мнение сложилось у меня об этом молодом человеке. Или это действительно сделал он (квартира очень нужна) и предлагал мне поиграть, либо это сделал кто-то еще (например, Наташа или ее родители, у каждого был свой мотив), а Вася просто развлекался, разговаривая со мной.

Что ж, придется съездить еще к родителям Наташи. Но сначала заеду к себе. Вдруг уже звонил Мишка – опять будет ворчать, что меня никогда нет на месте.

Глава 3

Наш подъезд, вероятно, стал местом встречи всего старшего поколения дома. Говорят, горе сближает. Может быть, но, по-моему, здесь было больше любопытства, ведь не все знали покойную. Тем не менее народу на лавочках было много, как никогда. Но, подойдя поближе, признаться, слегка разочаровалась. Они явно митинговали, скорее всего их тусовка плавно перешла на критику правительства и, конечно же, молодежи, которые всю страну растащили по кусочкам. В центре стоял уже знакомый мне утренний старичок и к чему-то призывал собравшихся. Я, поздоровавшись, прошмыгнула в подъезд. На секунду воцарилась тишина, но затем призывы возобновились с новой силой. Или мне показалось, или кто-то пошел вслед за мной. Я остановилась и прислушалась: тишина. Но как только я снова пошла, мои шаги явно дублировали. Я стараюсь всегда ходить пешком, лифтом пользуюсь в исключительных случаях. Но сейчас, дойдя до третьего этажа, я решила нажать кнопку вызова и заодно еще раз осмотреть место происшествия. Но ничего интересного, кроме раздающихся снизу шагов, я не обнаружила. Мое любопытство взяло верх, я стала спускаться и тут же чуть не столкнулась с маленькой старушкой. При моем появлении она громко вскрикнула и схватилась за сердце. Господи, мне тут еще одного трупа не хватало, да еще и на том же месте.

– Я вас, кажется, напугала, простите, я не хотела.

– Да ничего, ничего. Я думала – не догоню, хотела уж окликнуть, а тут вы.

– Вы что-то хотели сказать мне?

Она оценивающе смерила меня взглядом.

– А вы и есть Татьяна Иванова?

– Да, это я. – Тамара Федоровна, видно, постаралась сделать мне рекламу.

– Ой, чем только молодежь не занимается. Пойдем зайдем ко мне. Я вот туточки, на первом живу.

– Ну хорошо, пойдете, только не очень долго, пожалуйста.

– Нет, не задержу, просто не пристало с человеком на лестнице разговаривать. Меня Вера Павловна зовут, – спохватилась новая знакомая.

Она толкнула незапертую дверь, и мы зашли в прихожую.

– Что у меня брат-то, я и не закрываю почти никогда. Кому я нужна?

– Ну, Вера Павловна, скажете тоже. Кому-то вот нужна была Марья Николаевна.

– На все воля божья, – философски заметила она, приглашая меня в комнату. Брат здесь действительно было нечего. Но чистота была просто идеальная, как в музее. И везде были всевозможные салфетки, вышитые разными способами.

– У вас очень мило.

Старушка вся засияла.

– Я сейчас чайничек поставлю. – Так, это надолго. Я уже не рада была, что согласилась зайти. Мишка уже, вероятно, обзвонился.

Но бабушка все-таки не зря век прожила, как бы читая мои мысли, она заметила:

– Не задержу, вы, молодежь, вечно спешите, боитесь опоздать куда-то, жизни-то и не видите. Я тоже такая была. Огонь. И на стройки комсомольские ездила, да только здоровье там и оставила. Да, – она махнула рукой, – что теперь говорить. Жизнь-то, она не в теле, она в душе. Я только сейчас и жить-то начала. Сколько всего передумаешь. Да вы разве нас слушаете? А в общем-то и мы никого не слушали. Все сами знали и умели. Мы строили будущее. О чем нам было говорить с дряхлыми стариками, которые только и шептали нам вслед «антихристы». А может быть, они и подсказали бы что умное. Вон, все церкви восстанавливают. Сколько денег... Ой, заболталась, прости уж. Ты приходи как-нибудь просто поговорить.

Я обещала, что приду, мне было даже интересно. Я как будто прикоснулась к истории. Ведь они почти ровесники века! Чего они только не перевидали на своем веку. Так, теперь я отвлеклась. А баба Вера – она разрешила называть себя так – уже накрыла стол белой скатертью и поставила чайный сервиз, варенье и карамельки. Делала Вера Павловна все чинно и с достоинством.

– Ну так вот, – налив себе чай в блюдце, начала она, – вас, вероятно, интересуется Марья Николаевна и все, что с ней связано?

– В общем-то да, вы совершенно правы, – я чувствовала, что начинаю говорить так же, как моя собеседница, как будто вхожу в какую-то роль.

– Я могу вам кое-что рассказать, и может быть, даже эти крохи вам помогут. Мой муж был милиционером, он говорил, что любая деталь помогает.

– Он давно умер?

– Его расстреляли в сорок седьмом, – ответила бабушка, – ну так вот. Я Марью Николаевну знала не очень хорошо, мы не были близкими подругами. Мы просто общались. Но вот что я заметила. Мы ведь здесь уже лет двадцать живем. Она всегда была, ну, как бы сказать, суровая, что ли. Вот и сына с семьей не пустила жить. Так и промыкались в однокомнатной. А у самой-то вон какая квартира. Там одному заблудиться можно. А вот примерно так года два, может, полтора назад она вдруг переменялась вся. Стала гораздо веселее, общительнее, внучку она еще раньше прописала, а теперь у них даже вроде как дружба началась. Даже жениха Наташкиного пускала. Они хоть и не виделись, но Маша про него знала, ей Наташа все рассказывала. А совсем недавно мы с Машей на лавочке сидели, и она случайно обронила фразу, думала, что я не слышу: «Убьет он меня когда-нибудь, – говорит, – это все квартира». А потом стала у меня спрашивать, можно ли верить этим фирмам, которые недвижимостью занимаются. Я в этом вопросе не разбираюсь и ничего не могла посоветовать ей.

– Значит, она хотела продать свою квартиру?

– Ну, может, не продать, жить-то человеку надо где-то. Я думаю, разменять просто. Чтобы у Наташи была своя, и на ее квартиру никто не претендовал.

– Она что, боялась?

– Если и боялась, то скрывала. Я думаю, она очень Наташкиного хахалю не любила.

– А вы его видели? Вам он как?

– Деревенщина. Нет, я не хочу обидеть никого из деревенских, там живут великолепные люди, но он мужлан. Как уж Наташечка с ним ладит...

– А Наташу вы знаете?

– Наташа – хорошая девочка. И хлеб мне приносила, и в аптеку бегала, и врача вызвала, когда я заболела.

– А вы ничего накануне вечером не заметили странного?

– Заметила, но дело к утру было. Очень рано, правда. Утром я никогда не сплю. Годы, знаете ли. Люблю около окна посидеть. Тишина необыкновенная. Днем такого нет. Ну так вот, светало уже, значит, пять часов уж точно было, я, как обычно, задумалась. Очнулась от шороха. В кустах под окном кто-то был. Я сначала подумала, что кот или собака залезла, но в таком случае это был слон, уж больно много шуму, хотя чувствовалось, что старается двигаться тихо. Ну так вот, подкралось оно к подъезду и шнырь туда. Не поняла – парень это или девушка. Разве поймешь сейчас. Но в джинсах точно, волосы короткие, но не совсем. Я уже и забыла про это думать, как смотрю, шнырь обратно, и по кустам за дом.

– И вы не слышали криков или разговора? В доме-то тишина была.

– Ничего не слышала, может быть, задумалась просто.

– А что надето было на нем, не помните, не видели?

– Нет, не скажу, джинсы точно, наверху что-то темное. Раньше проще было. По крайней мере можно было сказать, парень или девка.

– А вы где работали?

– После смерти мужа, вернее, после реабилитации, – в органах.

Ясно, проще говоря, в КГБ, значит, верить все-таки можно. Данное дело очень затруднялось тем, что мой основной контингент состоял из бабушек. И порой очень трудно отделить то, что им кажется, от того, что было на самом деле. Полжизни они живут в сериалах и иногда просто описывают сцены оттуда, причем искренне веря, что это было на самом деле и в их дворе. Но здесь вроде бы все достоверно.

– Большое спасибо вам за чудесный чай и за ваш рассказ. Вы мне очень помогли. Приятно с вами беседовать. Обязательно зайду.

– Все равно не зайдете. Но обещайте хотя бы, что вы мне расскажете, кто это сделал. В свою очередь обещаю, что без вашего ведома ничего никому не скажу.

Это я ей пообещала и скорее побежала к себе. В любом случае пора звонить Мишке.

* * *

Поднявшись к себе, я тут же набрала номер Мишкиного отдела. К моему великому счастью, Мишка оказался на месте.

– Миша, у меня к тебе просьба.

На том конце явно усмехнулись:

– Когда это ты мне звонила просто так, скажи, пожалуйста? Ну что у тебя еще, выкладывай.

– Ведь к делу прилагаются вещи, которые были при ней в то утро?

– Конечно, а тебе что, кусочек платья на память оторвать?

– Товарищ капитан, серьезнее, пожалуйста. Ты не мог бы узнать, были ли у нее с собой ключи?

– Ключи? Какие ключи? От сейфа?

– От квартиры.

– Я и так помню – были.

– Мишенька, а ты не мог бы их позаимствовать на одну ночь, а еще лучше – слепки сделать?

– Опять собираешься по квартирам шарить?

– А что делать? Может быть, что-нибудь ценное найду. Сбыть-то сможешь? Доход пополам.

– Тань, после твоих предложений меня выгонят с работы. Я попробую что-нибудь сделать. Я могу к вечеру к тебе заехать, расскажу заодно об экспертизе.

– Очень хочется узнать и, конечно, тебя увидеть.

– Ну-ну, ладно, только будь, пожалуйста, дома.

– Я постараюсь.

Так, на сегодняшнюю ночь работой я обеспечена. Уже хорошо. Может быть, этот ларчик с секретом окажется?

До вечера мне надо было еще поговорить с Линой, а еще лучше сходить в школу и встретиться с ее подругами и классным руководителем, узнать, что она за человек и стоит ли мне заниматься этим шантажом? А пока, взяв гадальные кости, я задала им вопрос: надо ли вообще так беспокоиться? Цифровая комбинация, выпавшая на этот раз, меня обнадежила: 33+20+1 – «Напрасная тревога». Ну что ж, тогда вперед. Мои гадальные кости меня еще ни разу не обманули.

Спустившись, наверное, уже в десятый раз к подъезду, я обнаружила на скамеечке свою соседку Тамару Федоровну и еще одну незнакомую бабульку. Они о чем-то мирно беседовали.

– Здравствуйте, Танечка. Как идут дела? – заулыбалась Тамара Федоровна.

– Все хорошо, спасибо.

Я хотела пройти мимо: заканчивались занятия в школе, и я боялась опоздать, но старушки, наверное, поняли мое намерение, поэтому попросили:

– Вы не посидите с нами, всего пять минут?

– Ну если только пять минут.

– Вы знаете, Танечка, мы вот тут посоветовались сегодня и решили предложить вам нашу помощь. Может быть, последить за кем надо или покарать. Опять-таки поговорить с кем. В окрестности вон сколько домов, разве вы успеете везде.

Боже мой, мне этого еще не хватало! Чтобы по окрестностям бродили толпы пенсионеров, приставая ко всем с вопросами: «Не видели вы, кто убил Марию Николаевну? Как, вы не знаете, кто это? Да она жила вон в том доме, в 51-й квартире. Ее убили... да, такая жизнь пошла, стариков стали убивать. Нас и так голодом морят, так теперь...» А другая половина бабушек и дедушек будет шарить по кустам и ползком следить неизвестно за кем. Я чуть за голову не схватилась, но все-таки, улыбнувшись, выдавила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.